

видной при сравнении их с таможенными доходами некоторых русских городов: например, общая сумма всех таможенных сборов Смоленска в последней четверти XVII в. колебалась от 976 до 1119 руб., Великого Устюга и волостных ярмарок в 1670-х гг. не превышала 2352 руб., Пскова — 3573 руб.³⁰, объемы таможенных сборов в Нижнем Новгороде достигали 33000 руб.³¹ Таким образом, суммы таможенных сборов села Лысково сопоставимы с аналогичными статьями доходов некоторых городов, но не такого крупного центра торговли, как Нижний Новгород.

Таким образом, в XVII в. Лысково являлось крупным торговым центром. Именно в этот период были заложены основы дальнейшего развития села как крупнейшего перевалочного пункта в общероссийской хлебной торговле. О значительности товарооборота лысковского торгового красноречиво свидетельствуют данные таможенных денежных сборов.

Примечания

¹ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30–38 об.

² Там же. Ед. хр. 8. Л. 74 об.

³ Там же. Ед. хр. 5. Л. 169.

⁴ *Забелин И. Е.* Материалы для истории русской иконописи // Временник Императорского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 112.

⁵ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3 об., 6 об., 7.

⁶ Там же. Ед. хр. 8. Л. 215.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 2. № 1038.

⁸ Там же. № 1040.

⁹ *Филатов Н. Ф.* Государевы предприниматели Леонтьевы – Онтроповы // Каждый род знаменит и славен: Из истории нижегород. предпринимательства XVII — начала XX в. Н. Новгород, 1999. С. 26–29; *Филатов Н. Ф.* Торговые люди — крестьяне Муромцевы // Там же. С. 22–25; *Филатова В. Н.* История крестьянских родов XVII века (по материалам Лыскова) // Записки краеведов: Очерки, воспоминания, ст., док., хроника. Н. Новгород, 2006. С. 76–81.

¹⁰ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30–33; ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 386–392.

¹¹ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 78 об.

¹² Там же. Л. 75 об.–80.

¹³ Таблица составлена на основании данных: РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2, 5, 7, 8; ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13.

¹⁴ *Стиридонова Е. В.* Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952. С. 201; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2168.

¹⁵ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 74; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6035. Л. 518.

¹⁶ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 75.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 7. Л. 49–50 об.

¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 50 об.; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 1750, 1813.

¹⁹ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 29 об.–30.

²⁰ ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 385.

²¹ Там же. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 384 об.–385.

²² РГАДА. Ф. 141. Д. 35. 1622 г. Л. 274.

²³ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 29 об.

²⁴ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 200–201.

²⁵ ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 385.

²⁶ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под общ. ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1945. Ч. 2. С. 93.

²⁷ Труды Историко-археологического ин-та. Т. 10: Разгром разинщины. М., 1934. С. 55.

²⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 3. № 1409.

²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 21. Д. 33191. Л. 1.

³⁰ *Тверская Д. И.* Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 77.

³¹ *Филатов Н. Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История, архитектура. Горький, 1989. С. 54–55.

С. Н. Кустерев

ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УСТАВНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ГРАМОТ ЮЖНОРУССКИХ ГОРОДОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

Сравнительный анализ текстов уставных таможенных грамот, относящихся к регионам, достаточно рано вошедшим в состав единого Русского государства, прежде всего — так называемому Замосковному краю, иногда показывает стабильность норм сбора таможенных пошлин на протяжении длительного времени в предшествующий Смуте период¹. Несомненно, такой стабильности не

наблюдается уже в первые по окончании Смуты годы на территориях к югу от Оки, в подведомственных Разрядному приказу уездах.

В качестве примера можно сослаться на ситуацию с изменением правил взимания таможенных сборов в Курске. В начале осени 1619 г. право сбора пошлин в этом городе было предоставлено крестьянину боярина князя Ивана Борисовича Черкасского Ивашке Ефремову сыну Юршину². Началом его деятельности был назначен день 22 ноября, а датой платежа первой половины откупной суммы — 22 мая следующего года. Однако вскоре новоявленный откупщик обратился в Разряд с просьбой о выдаче ему уставной грамоты, мотивируя свою просьбу тем, что «государевы уставные грамоты в Курске нет, в литовское разорение утерялася, и мне твоей государевы пошлины збирати не по чему». При этом он не настаивал на получении некоего оригинального документа, а испрашивал грамоту «против вяземской уставной грамоты, по чему б мне было в Курску пошлина збирать»³. Требование откупщика было уважено, и 3 марта 1620 г. появился документ, содержательная часть которого в целом действительно повторяла нормы уставной грамоты таможи Вязьмы, выданной в сентябре 1616 г. крестьянину боярина Ивана Никитича Романова Тимошке Петрову⁴. Анализ установлений, содержащихся в тексте новой курской грамоты⁵, показывает, что правила сбора пошлин в Курске претерпели серьезные изменения по сравнению с предшествующим откупом И. Е. Юршина годом, насколько об этом позволяют судить сведения, содержащиеся в таможенных книгах этого города 1619 г.⁶ Причем изменение произошло, естественно, в сторону увеличения норм сборов, что, разумеется, было к выгоде в первую очередь самого откупщика, чьи обязательства в отношении казны оставались неизменными. Тем самым, можно отметить, что проявленная И. Е. Юршиным личная инициатива имела своим следствием изменение правил сбора таможенных пошлин в целом уезде, и вряд ли стоит думать, что извлеченная откупщиком выгода оказалась случайностью, а не результатом его целенаправленных действий. Несомненно, сам Юршин, требуя документ по аналогии с вяземской уставной грамотой, не преминул заранее сопоставить размеры пошлин, прописанные в ней, с обычными для Курска и не смог не оценить открывающихся перспектив.

Примечательно, что сама уставная таможенная грамота Вязьмы была в 1616 г. дана по образцу появившейся несколько ранее такой же грамоты Можайска. Это явствует из текста вяземского документа: «бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси боярина Ивана Никитича Романова крестьянин Тимошка Петров, а сказал, ездят де в Вязьму торговые всякие люди с своими товары, и с тех деи с торговых людей с товаров их таможенных всяких пошлин збирати не по чему, уставные грамоты нет. А в приказе Большого приходу после московского розоренья вяземские уставные грамоты не сыскано, и государь бы его пожаловал, велел ему дать свою государеву уставную грамоту, по чему ему збирать таможенную всякую пошлину, против можайские уставные грамоты»⁷. Можайская грамота была дана 14 марта 1613 г. и в списке сохранилась до нашего времени⁸, что позволяет произвести сравнение ее положений с вяземским аналогом. Таковое сравнение показывает принципиальное совпадение норм уплаты пошлин в Можайске и Вязьме, как они прописаны в обоих документах. Таким образом оказалось, что сначала в Можайске и Вязьме, а затем и в Курске произошла унификация правил таможенных сборов, причем в последних двух пунктах она стала следствием частной инициативы откупщиков Т. Петрова и И. Е. Юршина.

Юршин нашел последователя в лице крестьянина Константина Ивановича Михалкова Томилки Волкова, который в 1620 г. получил на откуп сбор кабацкой и таможенной пошлин в Ельце. Он был обязан заплатить казне на 200 руб. больше, чем Иван Фатьянов, собиравший пошлины в Ельце годом ранее. Видимо, опасаясь за успех своего предприятия при сохранении прежнего порядка и рассчитывая на получение дополнительного дохода за счет повышения норм собираемых пошлин путем замены местного устава иногородним, Волков подал челобитную, в которой просил разрешить ему использовать такой таможенный устав. «Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, — писал челобитчик, — вели, государь, мне дати уставную грамату с курские уставные грамоты, а причальная [с] стругов и с комян вели, государь, томоженную пошлину брать с елецкия уставные грамоты»⁹. Нетрудно заметить, что здесь нет речи об утрате настоящей и сохранявшей силу елецкой таможенной грамоты, напротив, судовые пошлины предполагается собирать, ориентируясь именно на ее предписания. Все же остальное откупщик предпочел бы взимать с торговцев, применяя нормы курского устава. Несомненно, что в данном случае подразумевалась именно уставная грамота, только что полученная Юршиным. Следовательно, ее нормы были весьма привлекательны для елецкого откупщика. Единственным затруднением было отсутствие в ней даже намек на возможность транспортировки грузов речным путем. Для Курска это не имело значения, поскольку, как отметил А. И. Раздорский, мелководность р. Тускарь, лишь в нескольких километрах ниже по течению впадавшей в Сейм, исключала возможность доставки товаров в город речным путем, почему

курские таможенные книги XVII в. не содержат известий о подобных транспортах¹⁰. Выход из положения Волков нашел в выборочном применении правил старой елецкой грамоты.

На обороте челобитной Томилки Волкова читается помета «Дать грамоту». Следовательно, усилия и этого предприимчивого крестьянина не пропали даром, а последующая на протяжении года его деятельность по сбору кабацких и таможенных пошлин была достаточно успешна, хотя в будущем это и стало причиной его бед. Опись Разрядного приказа 1668 г. под 132 г. упоминает «Дело сыскное по челобитью елецкого кабацкого и таможенного откупщика Костянтинова крестьянина Михалкова Томилка Волка на розрядных подьячих на Дорофея Пустынникова да на Федора Иванова в том, что за ним Томилком был в откупу елецкой кабак и таможня в 128-м году на год, и он те откупные деньги на тот год заплатил сполна, и откуп отказал, и об отказе подписную челобитную им отдал, и они для своей бездельной корысти тое челобитную утаили, и навалили на него тот кабак (так в публ. — С. К.) таможню в другой год з большою наддачею неволею, и имали с него посулы, и от того ему убытки учинились многие, а сверху у того дела начало и челобитная згнила и изодрано»¹¹. Видимо, даже повышение размеров пошлин в соответствии с нормами курского устава не могли обеспечить новые требования приказных дельцов, но в первый год Волков достиг неплохих результатов.

Таким образом, можно заключить, что к трем перечисленным выше уездам, где благодаря стараниям откупщиков произошла унификация норм сбора таможенных пошлин, в 1620 г. присоединился еще один — Елецкий.

Выступая в роли откупщика в Курске в 1619 г., И. Е. Юршин не оставил этого своего промысла и в последующее время, меняя лишь города и выбранные в качестве образца нормативные акты. Осенью 1628 г. он подал челобитную, в которой приказные деятели могли прочитать: «...дано мне на Лебедяни кабак и пошлина на откуп на нынешней на 137-й год, и мне, сироте твоему, твоей государевы пошлины збирать не по чему. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мне дать свою государеву уставную грамоту, как дана уставная грамота на Воронеж, по чему б мне было твоя государева пошлина збирать, чтоб я в том откупу в недоборе в конец не погиб»¹². Его просьба не осталась без внимания, и 9 декабря того же года требуемый документ был выдан, но по образцу уставной таможенной грамоты Оскола: «И на Лебедянь таможная уставная грамота с Оскольские уставные грамоты, какова дана на Оскол во 137-м году откупщику Олешке Золотову, дана»¹³. Таким образом, образовался еще один комплекс уездов, где нормы сбора таможенных пошлин оказались унифицированы. Правда, на сей раз инициатива откупщика натолкнулась на встречную инициативу служителей государственного учреждения, решивших по какой-то причине использовать в Лебедяни правила Оскола, а не Воронежа. К сожалению, пока нет возможности достаточно определенно говорить о сходстве или отличиях норм взимания таможенных пошлин в Воронеже и Осколе, и не исключено, что они и не отличались друг от друга сколько-нибудь существенным образом. Пока же будет более осмотрительно район использования изложенных в Лебедянской грамоте правил ограничивать для 1628 г. двумя уездами — Оскольским и Лебедянским.

Однако история на этом не окончилась. 4 марта 1629 г. в Разрядный приказ от имени назначенного в Елец верным таможенным головой воронежского жильца Мартына Мосалитинова поступила челобитная, в которой тот писал: «И по твоему государеву наказу я, сирота твой, у того Ивана Хромого с товарищи кобацкия запасы принел и в том с ним росписался, а житные, государь, меры и приемочные и отдаточные ведра принял неорлены, нет де на Ельце житных мер и кобацких ведер орляных от елетцкого разоренья. А твоей государевай уставной грамоты у Ивана не примал, а сказал он мне, сироте твоему, есть де списак с твоей государевай с уставной грамоты в съезжей избе у воевод, и тот, государь, списак не сполна, не против твоих государевых иных уставных грамот, что на Вороножи и на Белегороде и по иным городом, что, государь, Сосною рекою ходят в судах нимо Елец и с Ельца торговые люди с товары, и твоих государевых никаких пошлин ни с людей явки, ни причального, ни мыта, ни з дуги нимоезду взяти не по чему, твоей государевай уставной грамоты на Ельце в таможенной избе нет. А прежняя, государь, кобацкия и таможенные головы имывали твои государевы всякия пошлины з городовых и с приезжих людей с товаров и которые люди в судах ходят Сосною рекою нимо Елец и с Ельца, применяючись к иным городом, и в том, государь, з городскими и с приезжими людьми чинитца спор великай, что, государь, на Ельце в таможенной избе твоей государевай уставной грамоты нет»¹⁴. Насколько можно заметить, Мартыну было известно о существовании хотя бы неполного списка с некоей уставной грамоты. Кажется, не будет слишком смелым допустить, что это был список с грамоты, данной в 1620 г. Томилке Волкову, а неполнота обусловлена именно отсутствием в этом документе правил взимания судебных пошлин, которые сам Волков предполагал собирать, используя более древнюю елецкую грамоту. Видимо, в чем-то важном, особенно в части

правил о судебных пошлинах, этот неполный список отличался от известных Мосалитинову белгородской и воронежской грамот. И в данном случае примечательно, что в восприятии Мартына наличие таких несоответствий елецкого документа двум другим представлялось уже как нечто нарушающее порядок, противоречащее естественному положению вещей. Его указание на то, что и предшественники на должности собирали пошлины, не используя имеющийся список, а «применяючись к ыным городом», свидетельствует о солидарности верных голов в стремлении, пусть даже вынужденном, к унификации таможенных правил.

Дьяки, думный Федор Лихачев и Михаил Данилов, уже 11 марта выдали требуемый документ, взяв за образец уже известную нам по лебедянскому эпизоду оскольскую грамоту¹⁵. Следует учесть, что и Юршину в Лебедянь грамоту по образцу оскольской выдали те же должностные лица. В результате к комплексу из двух — Оскольского и Лебедянского — уездов присоединился еще один — Елецкий. При этом пока нет оснований утверждать, будто появление в Ельце нового документа радикально изменило нормы таможенных сборов в этом месте.

Вышеизложенное позволяет заметить, что унификация правил взимания таможенных пошлин, возводимая исследователями обычно к так называемому таможенному тарифу 1653 г., началась значительно раньше и в первую очередь на окраинах Русского государства в первой трети XVII в. Невозможно полностью отрицать участие в этом процессе правительственных чиновников, в частности, дьяков Разрядного приказа, но начало его было обусловлено инициативой частных лиц, прежде всего, откупщиков рубежа второго и третьего десятилетий на юге страны. Изменение стародавних норм выступало не просто в виде увеличения размеров сборов, но и в форме уравнивания этих размеров в отдельных регионах, объединявших большее или меньшее число уездов. Это явление в его начальной стадии можно было расценивать как реформу без реформатора, частичное преобразование системы государственных финансов при крайне пассивной роли самого государства.

Примечания

¹ В частности, на Белоозере и в Пошехонье, насколько позволяют судить сохранившиеся материалы нормы сбора пошлин не менялись на протяжении целого столетия с 1497 по 1602 г. (*Кустерев С. Н.* 1) Таможенные правила в Белоозерском крае в середине XVI — начале XVII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 195–205; 2) Таможенные правила на Белоозере в конце XV — середине XVI в. // Вестник Нижневартковского гос. пед. ун-та. 2009. № 3 (в печати).

² О торговцах и промышленниках из числа крестьян кн. И. Б. Черкасского см.: *Щенетов К. Н.* 1) Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. М., 1958. С. 59–72; 2) Помещичье предпринимательство в XVII в.: (По материалам хозяйства князей Черкасских) // Русское государство в XVII веке: Новые явления в соц.-экон., полит. и культур. жизни: Сб. ст. М., 1961. С. 17–38.

³ *Кустерев С. Н.* Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. // ОФР. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 211–233.

⁴ Крестьяне И. Н. Романова часто выступали в роли откупщиков таможенных и кабацких пошлин. В Бежецком Верхе в Веси Егонской кабак с 26 октября 1619 г. обычным сроком на один год был на откупе за неким Степанком Рухлядником (РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городские книги). Разрядный приказ. Кн. 1. Ч. 1. Л. 366–367). С сентября 1620 г. мыт и явку в Калуге откупил Василий Урманов (*Кустерев С. Н.* Документы о таможенном деле в Калуге и Перевитске в начале 20-х годов XVII в. // ОФР. М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 141. № 4). Известна уставная таможенная грамота, выданная летом 1622 г. из приказа Большого Прихода ошастковскому таможенному откупщику Андрею Тройнину (*Полевой Н. А.* Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы. Т. 1. М., 1833. С. 60; *Гейман В. Г., Гранстрем Е. Э.* Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 1613–1629 гг. Вып. 3 // Краткий отчет о новых поступлениях, 1947–1949 гг. / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отд. рукописей. Л., 1952. С. 102. № 190; ОР РНБ. ОСАГ. Оп. 2. № 197). В 1629 г. псковские кабаки откупили закладчики И. Н. Романова некто И. Хмелевский с товарищами (*Соловьев С. М.* Соч. в 18 кн. Кн. 5, т. 9. М., 1990. С. 285; История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1: От средневековья до середины XIX в. С. 107–108; *Афанасьев В. И.* Обзор собрания псковских актов А. Ф. Бычкова // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 186; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. С. 756. № 179; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 281). С 1 сентября 1634 г. воронежские таможня и кабаки были переданы на откуп крестьянину с. Пасского Калужского у. Андрону Григорьеву (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 74. Л. 31–32; *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 145).

⁵ *Кустерев С. Н.* Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. № 5.

⁶ Памятники южновеликорусского наречия: Тамож. кн. / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982. С. 81–100.

⁷ РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. № 1. Л. 241.

⁸ *Кустерев С. Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. (Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков; Т. 1). С. 75–77. № 35.

⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 1. Л. 77.

¹⁰ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 97.

¹¹ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 489.

¹² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 28. Л. 155.

¹³ Булгаков М. Б., Гамаюнов А. И. Уставная таможенная грамота города Лебедяни 1628 г. // ОФР. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 234–243.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 28. Л. 289–290.

¹⁵ Там же. Стб. 28. Л. 293 а–304.

Л. А. Тимошина

ТАМОЖЕННАЯ ГРАМОТА 1654 г.: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ

Важнейшим этапом в развитии таможенного законодательства и таможенного дела в России стала середина XVII в., когда был подготовлен и принят хорошо известный в отечественной историографии документ, датированный 25 октября 1653 г.¹, который исследователи, ориентируясь, вероятно, на его различные заголовки в публикациях, называли и называют по-разному — торговый устав, уставная грамота, таможенный тариф². Через полгода, 30 апреля 1654 г., возник еще один акт, называемый чаще всего уставной грамотой царя Алексея Михайловича, также связанный с регламентацией некоторых сторон таможенной системы³. Однако из-за существовавшего, по-видимому, у исследователей определенного параллелизма в восприятии двух документов, в целом ряде работ грамота 1654 г. не упоминалась вообще⁴, а историки, обращавшие внимание, главным образом, на ее содержание, трактовали грамоту как дополнение к торговому уставу 1653 г.⁵ или меру, направленную исключительно на отмену откупов⁶, не задавались вопросом об обстоятельствах возникновения акта. Решение этого вопроса начнем со сравнительного анализа двух, появившихся почти одновременно, документов.

Прежде всего, обращает на себя внимание первичная форма актов и способ их последующего существования. Документ 1653 г. представляет собой приговор царя и боярской думы — «государь... указал и бояре приговорили», вынесенный 25 октября этого года, за скрепой думного дьяка Алмаза Иванова. Никакие особенности внешнего оформления документа не отмечены. Приговор 1653 г. был, вероятно, записан, ориентируясь на повседневную делопроизводственную практику, в конце докладной выписи, по которой царю и членам боярской думы зачитывали дела, требовавшие решения высшего государственного органа, а скрепа А. Иванова, находившегося в 1653 г. одновременно во главе Посольского приказа и Новгородской четверти⁷, позволяет полагать, что выпись готовилась сотрудниками этого последнего учреждения, так как круг вопросов, ведавшихся Посольским приказом, был несколько иным. Следовательно, и само дело с инициативными документами — подлинными челобитными и сказками торговых людей — формировалось в Новгородской четверти. Не исключено, что впоследствии из-за большого объема и важности содержания приговор был переписан в виде отдельного, впоследствии опубликованного, документа, отсюда и присутствующее в публикациях уточнение — «Торговый устав (в списке)».

Документ 1654 г. имеет вид указной грамоты («Божиею милостию мы, великий государь царь... указали есмы»), подготовленной, как следует далее из ее текста, в двух экземплярах, каждый за подписью царя («за нашу царскою рукою») и с золотой печатью, первый из которых был отдан на хранение («положили есмы») в кремлевский Успенский собор («в соборной церкви Пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии честнаго и славнаго ея Успения и великих святителей российских чудотворцов Петра, Алексия, Ионы и Филипа»), второй — вероятно, в Казенный приказ («царского величества в казне»). Заметим, кстати, что такой чести — находиться в Успенском соборе, чтобы «сама небесная царица Богородица и российстии чудотворцы» «соблюдали» их нерушимость, не удостоился в XVII в. ни один акт, включая Новоторговый устав и основной законодательный памятник столетия — Соборное уложение. Затем документ был напечатан на Московском печатном дворе тиражом 1200 экземпляров и вышел в свет 30 апреля 1654 г.⁸

Приведенных «внешних» различий уже достаточно, чтобы понять полную несхожесть документов 1653 и 1654 гг., составлявшихся, бесспорно, в различных учреждениях и разными лицами. Для подтверждения высказанного предположения проведем текстологический анализ актов.

Приговор 1653 г. написан с использованием обычных как для приказной практики в целом, так и для регламентирующей таможенной документации в частности терминов⁹ и в соответствии с общей структурой уставных грамот, например, с привычным выделением отдельных клаузул через предлог «А».

Совершенно иначе, витиеватым, вычурным, церковно-книжным языком, абсолютно далеким от четкого, лаконичного, делового языка приказной документации, в иной стилистике и с применени-